

Фрагмент книги: "Третий пол".

http://trans-tema.com/3_gender.htm

Уже говорилось, что печать принадлежности к третьему полу становится видна невооруженным глазом чуть ли не с колыбели. Это считается одним из важнейших диагностических принципов. А вот пациент, о котором я хочу рассказать, впервые появился у нас в клинике в возрасте 60 лет, прожив самую обычную, ничем не примечательную жизнь нормального мужчины. В детстве ни характером, ни склонностями не отличался от других мальчишек. Если часто выполнял "женские" домашние обязанности, то только в силу необходимости: в семье было четверо детей, все - братья и все были приучены помогать матери. Каких-то акцентированных мужских черт в характере, правда, не намечалось, скорее наоборот - Александр Васильевич легко сходился с людьми, умел обходить острые углы в отношениях, был мягок и незлобив. Но никаким женоподобием это никогда не оборачивалось.

Отслужил, как положено, в армии, потом закончил Московский энергетический институт. Учился хорошо: и способности были, и интерес, и очень выручало усвоенное с детства умение правильно распределять время. Так же легко и успешно сложилась карьера. У Александра Васильевича была репутация хорошего инженера и ответственного, добросовестного работника, и когда ступенькой выше освобождалась вакансия, само собой получалось, что он считался наилучшим кандидатом. На пенсию ушел с серьезной должности: он был главным энергетиком крупного станкостроительного завода в Поволжье.

До 30 лет не женился. Почему так поздно? Естественно, эту сторону жизни пациента мы рассматривали прямо-таки с лупой, но ничего сомнительного не нашли. Влюблялся Александр Васильевич только в девушек, но пока ходил вокруг да около, борясь со своей застенчивостью и неуверенностью, его всякий раз опережали более расторопные конкуренты. К тому же в силу воспитания наш пациент считал недостойным флиртовать с девушкой, по отношению к которой нет "серьезных намерений". Одиночеством не тяготился - знал: получив диплом, начнет зарабатывать, тогда можно будет подумать о семье.

Так и получилось. К будущей жене сразу начал относиться как к невесте. Ухаживание продолжалось год. Семейной жизнью был доволен. В доме был мир, порядок, никаких конфликтов. Вырастили двоих детей, дождался внуков. Оглядываясь назад, А. В. находил, что в сексуальном плане его жизнь оставляла желать лучшего. Жена, говорил он, была холодновата, держала его на полуголодном пайке. Он приписывал это ее всегдашней усталости - работа, дом, дети отнимают все силы. Та же примерно ситуация была и в семьях приятелей. Но те находили выход, позволяя себе время от времени пикантные приключения, а А. В. считал своим долгом хранить верность жене. Даже когда, лет в 50, жена объявила, мол, "мы уже в таком возрасте, что поздно думать о глупостях", Александр Васильевич молча подчинился ее решению. Дети выросли и отделились, появились внуки. Впереди маячила тихая и достаточно унылая старость.

Странные явления стали появляться еще лет за пять до ухода на пенсию. Запомнилось начало: утреннее пробуждение в необычном, приподнятом настроении, сексуальное возбуждение, не связанное с влечением к жене или другой конкретной женщине, и на этом фоне - непривычная мысль: как приятно было бы стать женщиной! Эта мысль стала возвращаться в различных вариациях. То как своего рода зависть - женщины легче переносят воздержание, они не страдают так, как приходится страдать мне. То в оболочке причудливых фантазий: живо, к примеру, рисовалась сцена возвращения мужа домой, к любящей жене - он входит, она бросается ему на шею, они целуются, потом он отдыхает, а она занимается домашними делами, чувствуя на себе его ласковый взгляд... Удивительно было то, что себя Александр Васильевич видел на месте жены, и снова мысль "как хорошо быть женщиной" вызывала эмоциональный подъем.

Так продолжалось примерно год, затем наступил перелом: "Не только было неумное желание стать женщиной, но почувствовал себя женщиной". Через несколько дней это чувство исчезло, но затем вернулось вновь. Постепенно эти позывы стали усиливаться, появилась цикличность. Захотелось надеть на себя все женское, и, немного посопротивлявшись этому неотвратимому желанию, А. В. уступил. Пошел в магазин и, сделав вид, что выполняет поручение жены, купил все, что носят женщины - от бюстгалтера до головного платка. При выборе вещей испытал необычайно острое волнение, руки дрожали, когда представлял, что скоро все это будет на нем. С трудом дождался момента, когда жена ушла, заперся на ключ и переоделся. "Испытал неопишное блаженство", которое омрачалось тем, что никому не сможет показаться в таком виде, а хотелось именно выйти на люди, чтобы все признали в нем женщину.

Жена сразу же обнаружила в доме чужие женские вещи, естественно, спросила, откуда они. Александр Васильевич попытался сказать, что это он купил для нее, но сам почувствовал, как нелепо это звучит, и во всем признался. Сама эта затея с переодеванием почему-то не произвела на жену большого впечатления, но встревожило необычное для него радостно-возбужденное состояние (сослуживцы, кстати, тоже это отметили). "Ты что, с ума сходишь, что ли?" - спросила она, не мудрствуя лукаво. Он не знал ответа на этот вопрос. Но вскоре подъем сменился упадком, появилась раздражительность, охватил стыд "по поводу содеянного". Как попало увязал женские вещи в узел и забросил в сарай.

Эта фаза тоже вскоре завершилась: "Стал обыкновенным мужчиной, мужем и отцом семейства". А затем "колесо" снова закрутилось в том же порядке. Незадолго до появления в клинике чувство перевоплощения в женщину стало всеобъемлющим. Самоконтроля при этом Александр Васильевич никогда не терял, понимал, как важно сохранить все в тайне. Он так усовершенствовал свой костюм, что мог выйти из дому в обычном виде, затем где-нибудь "в темном месте" мгновенно преобразился, подкрашивал губы, увешивался пестрой бижутерией, повязывал платочек и уезжал куда-нибудь в отдаленный район. Там подсаживался к женщинам, коротающим время на скамеечке, и вступал с ними в длинные откровенные разговоры.

Иногда выдавал себя за старую деву, спрашивал совета, стоит ли "в таких годах" выходить замуж. В другой раз рассказывал о своих детях, о том, как протекали роды ("не то что начинаю врать, я ощущаю, что все это действительно у меня было" 😊), выслушивал чужие рассказы, и все это доставляло ни с чем не сравнимую радость. В этом состоянии возникали и гомосексуальные побуждения, но они носили особый характер: в основе было желание получить еще и это подтверждение своей истинной женской сущности.

До выхода на пенсию, связанный работой, Александр Васильевич не мог ничего предпринять: обращение к врачам в родном городе для него исключалось. Но решение изменить пол хирургическим путем год от года крепло. Помимо этого была еще одна причина, обусловившая приезд в Москву. Здесь можно было свободно ходить по улицам в женском облике, не опасаясь встреч со знакомыми. Никогда, даже в пике своих "женских" фаз, наш пациент не забывал о необходимости хранить свою тайну.

Так он и появился впервые у нас в клинике - неузнаваемый в своем женском "обмундировании", носить которое уже хорошо наловчился. Прочитую запись, сделанную принимавшим его врачом: "Настроение повышенное, радостное, многоречивое, несколько суетливое, лучезарное выражение лица, глаза сияют. Охотно делится своими переживаниями. Просит называть его женским именем "Александра Васильевна", говорит о себе в женском роде, голос высокий, женский.

Одежда весьма оригинальная: на голове цветастый платок, кофточка, юбка, простые чулки ("капроновые - по возрасту не подходят" 😊), ботинки на высоких каблуках, шнурованные. Охотно раздевается в ответ на такую просьбу, демонстрирует искусственные груди в бюстгалтере, женское нижнее белье с кружевной обшивкой. Губы покрашены неяркой розовой помадой, в ушах серьги, на шее светлые крупные бусы, на запястье браслет. Кокетливо посмеивается, крайне чувствителен к самым невинным комплиментам. "В этом виде вы совершенно не похожи на мужчину, всякий признает в вас женщину, хоть и пожилую", - услышав это, расцветает. "Так ведь я же и есть настоящая женщина, женщина с головы до пят, до последнего волоска на голове!" Эта уверенность придает ему жизненные силы, забывается все плохое, все становится светлым и радостным. Говорит, что его обуревают мысли о возможности операции: сердца научились пересаживать, а уж половые органы пересадить можно бесспорно!"

Этого пациента мы наблюдали в течение семи лет. Он регулярно приезжал в Москву, почти всегда, так сказать, в женском состоянии, но по его рассказам, письмам, дневникам можно было представить себе, как протекают у него другие фазы цикла: смешанная, депрессивная и обычная, то есть мужская. Те, кто видел его в мужской ипостаси, описывают пожилого человека, выглядящего старше своих лет. Он вполне разумен, спокоен, доброжелателен, вежлив. Одет скромно, но аккуратно. Не может объяснить, почему на него временами "накатывает". Но говорит об этом спокойно, без горечи, несколько отстраненно. Уверен, что эти состояния будут возвращаться вновь и вновь.

Естественно, ни о какой операции речи и быть не могло, но насколько я помню, Александр Васильевич не слишком настойчиво ее добивался. Он даже отказывался лечь на обследование, что было бы первым шагом к хирургическому вмешательству. Только один раз удалось уговорить его провести в клинике некоторое время. Но сразу возникла неразрешимая проблема: в какое отделение поместить эту "Александру Васильевну"? В женское? Нельзя. Но ведь нельзя и в мужское! Решили в конце концов выделить ему отдельную палату в мужском отделении для самых легких больных. Но и там двери запираются на замок, и там лежат нездоровые люди... Пациента это возмутило до глубины души, он настоял на немедленной выписке и тут же уехал из Москвы, оставив нам гневное письмо: "В больнице меня приняли за психически ненормального, не слушали меня, и это глубоко потрясло меня. Ведь не только я считаю себя совершенно нормально мыслящим человеком, но и окружающие меня люди (правда, не знающие о моей склонности к женственности) часто обращаются ко мне за советом для разрешения подчас очень трудных вопросов"...

И для такого мнения о самом себе у этого человека действительно были все основания! Никаких психических отклонений он не обнаруживал. Всегда, даже в кульминационные моменты своих транссексуальных переживаний, он полностью сохранял адекватное восприятие действительности. Если по каким-то причинам нужно было вернуться в свою мужскую "шкуру", он дисциплинированно переодевался, снимал с лица грим. Голос начинал звучать по-мужски, без следа исчезали женские окончания ("пошла", "сказала" 😊). Это было ему неприятно, тягостно, настроение сильно портилось, но зато сразу становилось ясно, что никаких признаков бреда в его "склонности к женственности" нет и в помине. Александр Васильевич легко поддерживал разговоры, был точен в суждениях, быстро и четко отвечал на вопросы.

Числилось за ним, правда, "снижение критики" - серьезный криминал с позиций психиатрической экспертизы. Но как я убедился сейчас, просматривая архивные документы, проявлялось это лишь в том, что пациент говорил "я женщина, и это прекрасно" вместо того чтобы сокрушаться, "что за нелепость, с какой стати я чувствую себя женщиной?".

Благодаря общению с Александром Васильевичем удалось сделать несколько важных наблюдений, оценить которые удалось лишь в дальнейшем.

Все транссексуалы-мужчины говорят, что в их теле живет женская душа. Но что это означает, помимо тяги к переодеванию, изменений в речи и других чисто внешних метаморфоз? Когда эта женская душа присутствует постоянно, трудно бывает уловить этот ее специфический колорит, потому что не с чем сравнивать. А вот у нашего уникального пациента были, если принять эту метафору, две души, мужская и женская, они как бы чередовались, и разница между ними буквально бросалась в глаза. Александр Васильевич был сдержан, немногословен и скорее рассудочен. Александра Васильевна, напротив, отличалась

повышенной эмоциональностью, импульсивностью и говорливостью. Александр Васильевич до старости сохранил юношескую застенчивость, которая делала его уступчивым и покладистым. Александре Васильевне нравилось демонстрировать себя, она прислушивалась прежде всего к собственным желаниям и напористо добивалась своего. Если не получалось, она обижалась, становилась капризной, тогда как Александр Васильевич своих реакций не обнаруживал и в общении был полностью предсказуем. Я бы не стал утверждать, что то был контраст именно между мужскими и женскими свойствами, хотя стереотипным представлениям такое истолкование вполне бы отвечало. Но бесспорно просматривались два разных характера, вылепленных каждый по своей мерке. Если угодно - две души.

Транссексуал, в отличие от всех, существо прежде всего публичное. Сколько бы он ни говорил о четкости и однозначности своего самоощущения, этой внутренней убежденности ему для душевного равновесия недостаточно. Необходимы поддержка со стороны, доказательства, что все вокруг смотрят на него его глазами и видят в нем то же, что и он сам. Этой уверенностью он не может запастись впрок, как не мог бы за один раз надышаться на все предстоящее время. Сигналы, подтверждающие эту правильную, в его понимании, реакцию окружающих, должны поступать непрерывно. Отсюда, собственно, и идет имитация внешности, стиля поведения, манер.

Поздний транссексуальный "дебют" Александра Васильевича исключил для него возможность использовать в этой сложной игре свое привычное окружение. Ведь он был нормальным человеком во всем, он не мог поставить на карту свою репутацию, лишиться всеобщего уважения, не мог допустить, чтобы на его жену и детей смотрели косо. А публику, без которой ему грозило задохнуться, он как раз и нашел у нас в клинике...

Так же неожиданно, как он появился на нашем горизонте, Александр Васильевич и исчез. Просто один из очередных его приездов фактически оказался последним. Мы вспоминали о нем, даже думали разыскать, но, покопавшись в бумагах, обнаружили, что пациент оказался достаточно предусмотрительным и точного адреса никому не сообщил. Никто не знает, как дальше сложилась эта единственная в своем роде судьба.